

Научная статья
УДК 027.4:021.89(47+57)«18»
<https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-51-60>

Государственная регламентация деятельности публичных библиотек в России во второй половине XIX в.

State Regulation of Public Libraries' Activities in Russia in the Second Half of the XIX-th Century

© **Попов Дмитрий Иванович**

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории и теории
международных отношений, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
пр-т Мира, 55 а, Омск, 644077, Россия
ORCID: 0000-0003-3091-3524
e-mail: 55popov@mail.ru

Popov Dmitry Ivanovich

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor,
Professor of the Department of History and Theory
of International Relations, Omsk State University
named after F. M. Dostoevsky
55 a Mira Avenue, Omsk, 644077, Russia
ORCID: 0000-0003-3091-3524
e-mail: 55popov@mail.ru

Цель статьи – представить эволюцию государственной политики в отношении публичных библиотек в России во второй половине XIX в. В результате исследования автор установил, что содержание законов и подзаконных актов, регламентирующих работу публичных библиотек, определялось их статусом общественных организаций и отражало глубокие противоречия правительственного курса в годы буржуазных преобразований и пореформенную эпоху.

Библиотечную инициативу ревнителей просвещения правительство Александра II воспринимало в качестве продолжения и поддержки собственных реформаторских усилий. В статье автор показывает, как легальный статус публичных библиотек был закреплен в правовом поле России, каким образом изменялись правила комплектования книжных фондов, осуществлялся порядок открытия публичных библиотек и надзор за их деятельностью. Автор отмечает, как усилившийся в 1880–1890-е гг. репрессивный характер законодательства, направленного на защиту городской читающей публики от нежелательной литературы, негативно отразился на общественной самоорганизации в сфере просвещения. В заключении автор приходит к выводу, что сложившиеся обстоятельства существенно затруднили развитие публичных библиотек в России.

Ключевые слова: публичные библиотеки, законодательство, государственная регламентация, охранительная политика, цензура

Для цитирования: Попов Д. И. Государственная регламентация деятельности публичных библиотек в России во второй половине XIX в. // Труды ГПНТБ СО РАН. 2024. № 2. С. 51–60. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-51-60>

The purpose of the article is to present the evolution of state policy towards public libraries in Russia in the second half of the XIX century. As a result of the research, the author has established that the content of laws and by-laws regulating the work of public libraries was determined by their status as public organizations and reflected deep contradictions of the government course during the years of bourgeois transformations and in the post-reform era. The government of Alexander II took the library initiative of education zealots as continuation and support of their own reformation attempts. The author shows how the legal status of public libraries was fixed in the legal field of Russia, acquisition rules were changing, the procedure for opening public libraries and supervision for their activities was carried out. The author notes how the repressive nature of legislation, aimed at protecting the urban reading public from unwanted literature, which intensified in the 1880s and 1890s, had a negative impact on public self-organization in the field of education. He concludes that circumstances formed significantly hindered the development of public libraries in Russia.

Keywords: public libraries, legislation, state regulation, protective policy, censorship

Citation: Popov D. I. State Regulation of Public Libraries' Activities in Russia in the Second Half of the XIX-th Century // Proceedings of SPSTL SB RAS. 2024. No. 2. P. 51–60. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-51-60>

Введение

Во второй половине XIX в. библиотеки стали неотъемлемой частью социокультурного пространства не только столичных городов, но и российской провинции. Отечественное законодательство дифференцировало действовавшие в стране библиотеки на несколько типов, отличавшихся функциональным назначением, контингентом читателей, особенностями комплектования книжных фондов.

Публичные библиотеки открывались преимущественно в губернских и уездных городах, обладали универсальными книжными фондами, их абонентами являлись преимущественно образованные и материально обеспеченные горожане. Предоставляя открытый доступ к книгам, библиотеки ориентировались на разнообразные интересы читателей и, в отличие от народных библиотек-читален, не ставили перед собой воспитательные задачи [1]. Этот тип библиотек доказал свою жизнеспособность и востребован в наши дни. Современные региональные и городские научные библиотеки, как правило, являются продолжателями традиций публичных библиотек второй половины XIX – начала XX в.

Составить полноценное представление о становлении и тенденциях развития публичных библиотек Российской империи невозможно без учета правовых условий их функционирования, особенностей государственной политики в области библиотечного дела.

Цель исследования – определить эволюцию и содержание государственной регламентации деятельности общественных публичных библиотек во второй половине XIX в.

Обращаясь к историографии проблемы, отметим, что в публикациях отечественных авторов сравнительно полное и всестороннее освещение получила история становления и развития отечественных библиотек различных типов, как на территории Российской империи в целом [2–4], так и в ее отдельных регионах [5–7]. Ряд авторов провели научный анализ основных вех правового регулирования библиотечной деятельности в России, а также изучили основы государственной библиотечной политики [8–12]. Особое место в работах исследователей уделено организации и практике цензурного контроля в имперский период истории нашей страны [13–15]. Некоторые из публикаций, посвященных библиотечной политике государства, ограничены региональными рамками [16; 17].

В то же время проблема государственной регламентации деятельности общественных публичных библиотек в России второй половины XIX в. еще не стала предметом научного изучения.

Интерес отечественных исследователей обращен преимущественно к такому типу универсальных общественных библиотек, как народные библиотеки-читальни. Остается открытым вопрос о влиянии общественной инициативы «снизу» на формирование и эволюцию политики правительства в отношении публичных библиотек. Мало что известно о развернувшихся в правительственных «верхах» дискуссиях по таким вопросам, как государственная регламентация порядка открытия публичных библиотек, осуществления надзора за их деятельностью, законодательные требования к комплектованию фондов. Окончательно не решен вопрос о степени влияния либерального лагеря правительства на законодательство области библиотечного дела. Все это, вместе взятое, позволяет утверждать, что многие аспекты проблемы не нашли еще должного освещения в исследовательской литературе. Отсутствие до сих пор обобщающего исследования государственной регламентации работы публичных библиотек в Российской империи во второй половине XIX в., наличие дискуссионных точек зрения и проблемно-тематических лакун свидетельствуют об актуальности обозначенной проблемы.

Губернские публичные библиотеки и регулирование их деятельности в 1830–1850-х гг.

Основы государственной регламентации работы публичных библиотек в России были заложены еще в первой половине XIX в. Царское правительство осознавало позитивное значение массового книжного чтения для культурного развития образованных слоев населения, расширения их интеллектуального багажа, реализации досуговых и информационных потребностей. Публичные библиотеки возникли в 1830-х гг. по инициативе первой в нашей стране общественной организации – Вольного экономического общества. Предложение его главы, адмирала Н. С. Мордвинова, об открытии в губернских городах силами общественности публичных библиотек [18] поддержал министр внутренних дел А. А. Закревский, предписавший начальникам губерний «пригласить к совещанию» местных ревнителей просвещения из среды чиновников, дворян и купцов для учреждения библиотек [19]. Проект адмирала Н. С. Мордвинова власти поддержали в урезанном виде. Со своей стороны, они гарантировали публичным библиотекам легальный статус и административную поддержку, в то время как представители общественности должны были принять на себя финансирование библиотек и осуществлять в них текущую работу с читателями. Поскольку в планы правительства не входила материальная поддержка библиотек, реализация проекта почти полностью легла на плечи отдельных филантропов и энтузиастов [7, с. 149–150; 20, с. 106; 21, с. 70].

Из планировавшихся к открытию 52 губернских публичных библиотек к 1840-м гг. начали работать только 39 [22, с. 100]. Будучи ориентированными преимущественно на образованных и материально обеспеченных читателей, библиотеки взимали плату за пользование книжными фондами. Руководство осуществляли возглавляемые губернаторами попечительские комитеты, состоявшие из представителей городской общественности [23, с. 14–15].

Новая практика общественной самоорганизации в области библиотечного дела требовала государственной регламентации. В 1830–1840-х гг. в правовом поле Российской империи был закреплен легальный статус публичных библиотек. Для их открытия местные ревнители просвещения должны были объединиться в попечительские комитеты и получить разрешение от министра внутренних дел. Принимая во внимание элитарный состав читательского контингента, среди которого почти не были представлены демократические слои населения, правительство наделило учредителей правом комплектовать книжные фонды всеми легально опубликованными в России изданиями. Согласно распоряжению Николая I, библиотечные комитеты должны были ежегодно проверять книгохранилища на предмет наличия в них запрещенных цензурой книг и предоставлять в Министерство народного просвещения (в чьем подчинении находились цензурные органы) соответствующие отчеты [1, с. 18; 21, с. 71; 24, с. 47].

Общественный подъем эпохи Великих реформ и политика правительства в области библиотечного дела

Значительную роль в развитии библиотечного дела в России сыграли Великие реформы 1860–1870-х гг., заложившие основы капиталистической модернизации страны и способствовавшие социокультурной трансформации российского общества. Возросшие познавательные и культурные потребности населения требовали реализации через доступные информационные и образовательные каналы. Библиотеки становились атрибутами общественной жизни не только столичных и губернских центров, но и многих уездных городов. В «Указателе библиотек России», составленном библиографом и библиофилом Г. Н. Геннади, содержался перечень 280 городских и сельских библиотек разных типов. Из них 130 составителем отнесены к частным (коммерческим) и публичным [25]. Все это свидетельствовало о начале в России библиотечного бума. К 1880-м гг. число таких библиотек в пятидесяти губерниях (исключая Сибирь, Центральную Азию и Кавказ) возросло до 509 [24, с. 66].

На волне общественного подъема, вызванного реформаторской деятельностью правительства,

в Министерство внутренних дел устремились многочисленные прошения из губернских, а позднее и уездных городов с ходатайствами об открытии публичных библиотек. Инициативные группы состояли преимущественно из вышедшей на авансцену общественной жизни интеллигенции (преподавателей учебных заведений, чиновников, врачей), готовой к безвозмездному общественному служению.

Статус публичных библиотек также имели открытые частными лицами коммерческие кабинеты для чтения. В своей деятельности они ориентировались преимущественно на извлечение прибыли, взимая с абонентов немалую плату за пользование книгами.

В 1870–1890-х гг. основную нагрузку по открытию и содержанию публичных библиотек в российской провинции приняли на себя городское самоуправление и некоммерческие культурно-просветительские организации.

Таким образом, российская общественность, ощутившая необходимость социокультурных изменений, гораздо более глубоких по сравнению с теми, которые предполагались царским правительством, сыграла решающую роль в создании публичных библиотек в стране. Центральная власть не предпринимала почти никаких практических усилий, направленных на развитие библиотечного дела [24, с. 95]. В ходе буржуазных реформ основные ресурсы государства направлялись на модернизацию его самого либо тех сфер, к которым оно имело непосредственное отношение (армия, бюрократический аппарат, правоохранительные органы). Поэтому общественную самоорганизацию в области библиотечного дела правительство Александра II восприняло в качестве продолжения и поддержки собственных реформаторских усилий, проявив известную заинтересованность в привлечении ревнителей просвещения к решению задач в культурно-образовательной сфере.

В 1850-х – начале 1860-х гг. явочным порядком было упрощено оформление юридического разрешения на открытие новых библиотек. Например, в 1852 г. в частной переписке один из основателей Пермской публичной библиотеки, священник А. Г. Воскресенский, сообщил адресату о том, что положительную резолюцию на ходатайство инициативной группы наложил только местный губернатор. Согласия вышестоящей инстанции в лице министра внутренних дел губернские власти запрашивать не стали, и библиотека начала свою работу [10, с. 86].

В 1860 г. распоряжением министра народного просвещения Е. П. Ковалевского местному учебному начальству разрешалось «по мере возможности и надобности» открывать для городского населения ученические библиотеки начальных

народных училищ [26, с. 248]. В этих помещениях также могли размещать свои книжные фонды публичные библиотеки, организованные по инициативе местной общественности. Библиотеками читатели могли пользоваться, получая книги на дом, только во внеучебное время.

Разрешительный порядок открытия публичных библиотек в России

Следующим шагом правительства должно было стать принятие закона, что формально-правовым образом регулирует порядок открытия публичных библиотек, а также регламентирует надзор за их функционированием. Этот вопрос центральными ведомствами обсуждался в контексте готовящейся цензурной реформы.

В марте 1862 г. приступила к работе высочайше утвержденная комиссия при Министерстве народного просвещения, призванная «пересмотреть, изменить и дополнить постановления по делам книгопечатания». Отнеся «отпуск книг на прокат из библиотек для чтения» к видам книжной торговли, члены комиссии включили в проект нового закона о цензуре и печати положение о праве каждого открывать новые библиотеки. «Заводить в городах книжные лавки и кабинеты для чтения предоставляется всем лицам без различия», – указывалось в проекте [27, с. 332]. Предусматривался уведомительный порядок открытия библиотек, запрашивать согласия властей не требовалось. Объясняя свою позицию, члены комиссии отметили «необходимость облегчения средств к распространению книг по всей империи и возбуждения большей любознательности через распространение образования в массе народа». «Стеснительные и ограничивающие меры справедливо употреблять только там, где обнаружится действительное зло, но ни в каком случае они не должны падать преждевременно всю тяжестью на таких лиц, которые не подали к этому еще повода», – отмечалось в сопроводительной записке [27, с. 333].

Работа комиссии подверглась критике со стороны консервативного крыла правительства, стремившегося сохранить устоявшиеся основы и сложившийся порядок. В январе 1863 г. для окончательной выработки проекта была образована новая комиссия, но уже при Министерстве внутренних дел, в ведение которого императорским указом были переданы цензурные комитеты [28].

Почти все члены новой комиссии согласились с предложенным предшественниками уведомительным порядком открытия публичных библиотек. Однако министр внутренних дел П. А. Валуев потребовал изменить содержание статей проекта. Вместо простого уведомления полицейского начальства об открытии библиотеки учредители

должны были получить от него разрешение. Именно в таком виде проект был внесен на рассмотрение Государственного совета и получил там одобрение [27, с. 334–335]. Оно не было единодушным, в правительстве нашлось немало противников охранительного подхода к просветительным инициативам общественности. Например, уведомительный порядок открытия публичных библиотек поддержал главноуправляющий Вторым отделением императорской канцелярии барон М. А. Корф [27, с. 335]. Министр народного просвещения А. В. Головин в частном письме князю А. И. Барятинскому признавал, что «цивилизация идет вперед, необходимость в просвещении дает себя чувствовать, а известные идеи распространяются в воздухе, несмотря на все полиции и все цензуры» [29, с. 10].

Таким образом окончательно оформились позиции реформаторского и охранительного лагерей политической элиты России. Утвержденный в 1865 г. Александром II новый закон о цензуре и печати отразил своего рода консенсус между этими лагерями. С одной стороны, правительство стимулировало общественную самоорганизацию в сфере просветительства, упрощая порядок открытия новых библиотек, с другой – стремилось не допустить их превращения в очаги «брожения умов», места обсуждения и распространения «вредных учений, возмутительных идей и превратных понятий» [30].

В ходе проведенных в середине XIX в. обысков в публичных библиотеках целого ряда российских городов жандармы выявили и изъяли многочисленные запрещенные издания. В докладной записке Третьего отделения сообщалось, что «из библиотеки одна и та же книга выдается множеству подписчиков и находит несравненно обширнейший круг читателей», поэтому, в отличие от книжных магазинов, библиотеки в гораздо большей степени способствуют распространению нелегальной литературы [2, с. 68]. Отсюда вполне понятной представляется задача, поставленная Александром II Комитету министров, – охранять русский народ от «вредных лжеучений», которые «могли бы поколебать общественное благоустройство» [31, с. 31]. В 1857 г., распорядившись переработать Устав о цензуре и печати, император специально указал на то, что «разумная бдительность <...> необходима» [15, с. 25].

В новом законе закреплялся разрешительный порядок открытия публичных библиотек. Санкционированные государственной властью, они получили права общественной организации и действовали на основании устава. От учредителей более не требовалось направлять свои ходатайства в столицу и длительное время ожидать решения министра. Правом выдавать разрешения наделялась региональная власть в лице губернаторов. За каждой библиотекой учредители

должны были закрепить ответственное лицо, сообщив о нем сведения в канцелярию губернатора. Фонды библиотек разрешалось комплектовать всеми незапрещенными в России изданиями [32, с. 401, 404].

После вступления в силу нового цензурного закона Совет Министерства народного просвещения поднял вопрос о необходимости передачи публичных библиотек в ведение полицейского ведомства, поскольку право санкционировать открытие новых библиотек и надзор за ними были переданы губернаторам – чиновникам Министерства внутренних дел [11, с. 18]. В 1867 г. межведомственное соглашение было окончательно достигнуто и последовал императорский указ о передаче публичных библиотек в ведение Министерства внутренних дел. При этом учебное ведомство сохранило инструменты контроля над книжными фондами публичных библиотек. В губернских и уездных городах представители министерства в лице директоров гимназий и смотрителей уездных училищ должны были состоять непременно членами библиотечных попечительских комитетов [33]. С 1871 г. такие же права получило губернское духовенство [24, с. 63].

Публичные библиотеки, которые вопреки предписанию отказались покинуть стены ученических библиотек народных училищ, продолжая соседствовать и даже «соединяться с ними», оставались в ведомстве Министерства народного просвещения и приобретали статус народных [34, с. 544].

Период контрреформ: охранительная политика в сфере библиотечного дела и Закон 1884 г.

В середине 80-х гг. XIX в. полицейское ведомство дало оценку девятнадцатилетней практике применения закона 1865 г. В циркулярном письме министра внутренних дел Д. А. Толстого была подвергнута жесткой критике «широкая свобода в отношении пользования правом открытия публичных библиотек». «Разрешения на содержание библиотек и кабинетов для чтения выдаются всем желающим, даже лицам, совершенно неизвестным», – отмечал министр. По его утверждению, выдача губернаторами разрешений на открытие публичных библиотек свелась «к пустой формальности». Это позволяло «злонамеренным фактическим распорядителям библиотек» оставаться в тени и превращать их в «опасные орудия преступной пропаганды», места распространения в среде читающей публики тенденциозных сочинений [13, с. 42–43].

В условиях политики контрреформ, проводимой правительством Александра III, относительная свобода общественной деятельности в культурно-просветительной сфере была существенно

уменьшена. В 1884 г. император Александр III в качестве чрезвычайной меры утвердил «Временные правила», ужесточившие требования к выдаче разрешений на открытие публичных библиотек.

Новый закон обязал губернаторов обратить самое пристальное внимание на ответственных за работу библиотек лиц, а также всех библиотечных служащих. Требовалось осуществлять проверку их политической благонадежности и при необходимости «своей властью устранять этих лиц из библиотеки» [35]. Без согласия губернского начальства смена заведующего библиотекой запрещалась.

В циркуляре министра внутренних дел, уточняющем порядок применения Закона 1884 г., подчеркивалось, что при рассмотрении губернатором ходатайства об открытии публичной библиотеки основанием для отказа должно стать «любое сомнение в политической благонадежности просителя». При этом министр потребовал проводить проверки «самым тщательным образом» [13, с. 43].

Такое предписание не могло не отразиться на правоприменительной практике. В 1880–1890-х гг. организаторы публичных библиотек все чаще стали получать отказы в удовлетворении своих ходатайств. Наиболее частым основанием для отказов стала «недостаточная известность просителей», не позволявшая губернаторам сделать вывод о их политической благонадежности. В 1894 г. жалобы учредителей дошли до Сената, который в своем постановлении подтвердил правомерность действий губернаторов, однако указал на их обязанность собрать сведения о каждом упомянутом в ходатайстве лице. Если же этих сведений окажется недостаточно для того, чтобы удостовериться в благонадежности просителей, губернатор мог не допустить открытия библиотеки [36, с. 148]. Таким образом, политическая благонадежность того или иного лица становилась ключевым критерием его допуска к общественной деятельности на ниве просветительства.

Охранительные задачи государственными структурами решались не только на этапе открытия библиотек, но и в ходе их функционирования. В Законе 1865 г. отсутствовала норма, позволявшая властям каким бы то ни было образом прекращать работу публичных библиотек. В случае обнаружения в книгохранилищах запрещенных изданий, они должны были изыматься, а нарушившие закон сотрудники библиотек призываться к ответственности: административной или уголовной. Закон 1884 г. предусматривал право министра внутренних дел закрывать публичные библиотеки «в случае признанной в том необходимости» [35, с. 3]. Следует обратить внимание не на судебный, а на административный порядок закрытия библиотек. В конце 1880-х гг. правом приостанавливать их работу на время общественных волнений были наделены губернаторы [24, с. 63].

«Алфавитные списки» и комплектование книжных фондов публичных библиотек

Ужесточение бюрократических мер контроля не могло не затронуть такую область библиотечной деятельности, как комплектование книжных фондов. Законом 1865 г. полицейские власти в губерниях обязывались ежегодно проверять книгохранилища публичных библиотек на наличие запрещенных цензурой изданий. Практика таких проверок показала, что местные власти не располагали полными и точными сведениями о тех книгах и журналах, которые подлежали изъятию. Поэтому в Главное управление по делам печати направлялись многочисленные запросы губернаторов, добивавшихся разъяснений [37, с. 6].

Неопределенность в этом вопросе была снята Законом 1884 г. – министру внутренних дел предписывалось «указывать местным начальствам те произведения печати, которые не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках» [35, с. 3]. Тогда же Главное управление по делам печати совместно с Департаментом полиции составили и разослали в губернии первый «Алфавитный список сочинений, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях» [38].

Циркуляр Министерства внутренних дел предписывал губернаторам собирать с заведующих публичными библиотеками подписку о том, что читателям не будут выдаваться книги, попавшие под запрет. В случае нарушений условий подписки, министерство рекомендовало губернаторам, не обращаясь в судебные органы, своей властью отстранять заведующих от работы. При выявлении повторных нарушений работа библиотек должна быть прекращена [15, с. 173].

Опубликовав в 1894 г. новое (второе) издание «Алфавитного списка» [39], власти обязали владельцев библиотек не разглашать их содержание [16, с. 33]. Этот запрет стал ответом на общественную критику, развернувшуюся по поводу включенных в список изданий. Немалая часть из них цензурой запрещена не была и свободно продавалась в книжных магазинах [24, с. 63–64]. Выделяя особую категорию книг, которые не могли храниться в фондах публичных библиотек, полицейские власти создавали фильтр для «опасной общественному спокойствию» информации [40, с. 376].

Всего в «Алфавитном списке» 1884 г. содержалось более 130 наименований печатных изданий, в том числе периодических. Составители второго издания (1894 г.) списка расширили перечень до 165 позиций. Это были публикации преимущественно по общественной тематике, в том числе книги, посвященные социальному протесту, крестьянскому и рабочему движению в России

и за рубежом, истории общественно-политической и экономической мысли. Характеризуя попавшие под запрет книги, журнал «Вестник Европы» выразил недоумение по поводу «veto, наложенного на чисто научные сочинения». «Запретительные меры в отношении библиотек», по мнению редакции журнала, «объясняются твердым убеждением правительства, что социальные и политические науки служат прямым источником современных антигосударственных течений» [40, с. 377–378]. Среди упомянутых в списках авторов можно отметить Л. Блана, Н. А. Добролюбова, Ф. Лассаля, К. Маркса, Д. С. Милля, П. Ж. Прудона, А. Смита, Г. Спенсера, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева. Наряду с представителями общественных наук, в запретительных списках оказались работы исследователей в области естественных наук: биологии, геологии, физиологии и т. д. Не была обойдена стороной беллетристика. Читателям запрещалось выдавать отдельные произведения В. М. Гаршина, В. Гюго, Э. Золя, В. Г. Короленко, Л. Н. Толстого.

Публикация алфавитных списков стала основанием для чистки книжных фондов публичных библиотек. Однако эту меру правительство посчитало недостаточной для защиты читателей от «вредного влияния тенденциозных сочинений». В 1884 г. в циркуляре Департамента полиции указывалось, что наиболее уязвимой категорией населения является учащаяся молодежь. Поэтому три года спустя министр народного просвещения запретил учащимся посещать публичные библиотеки без письменного разрешения учебного начальства [41, с. 35].

Заключение

Общественный подъем 1860-х гг. дал мощный импульс развитию общественной самоорганизации, открыв новые возможности для ее проявления. Атрибутами общественной жизни не только столичных и губернских центров, но и многих уездных городов России стали общественные публичные библиотеки, обслуживавшие за плату преимущественно образованных и материально обеспеченных горожан. Обладая универсальными книжными фондами, публичные библиотеки выполняли досуговые, информационные, образовательные функции, расширяли интеллектуальный багаж читателей.

Следствием устойчивого роста числа публичных библиотек в годы Великих реформ и в пореформенный период стало формирование и развитие законодательной базы их деятельности. Публичные библиотеки власти признали учреждениями, полезными для распространения просвещения, заполнения досуга и не требующими обременительных затрат государственной казны на их содержание. Во второй половине XIX в. легальный

статус публичных библиотек был законодательно закреплён в правовом поле империи, они приобрели положение общественных организаций и действовали на основании устава, предоставлявшего им известную внутреннюю автономию.

Одновременно в условиях роста оппозиционных общественных настроений, развития политического радикализма, развернувшего агитационную деятельность не только в простонародной среде, но и в рядах городского мещанства, правительство вынуждено было усилить охранительный компонент своей библиотечной политики. Рядом правовых актов закреплялся разрешительный порядок открытия публичных библиотек. Основные требования, предъявляемые властями к их учредителям и сотрудникам, сводились к политической лояльности, существующему строю, приверженности традиционным мировоззренческим установкам и ценностям. В 1880-х гг. одним из проявлений политики контрреформ стало усиление полномочий центральных и местных полицейских властей, направленное на защиту сложившихся общественных, государственных и правовых устоев. Любые сомнения в политической благонадежности руководителей и рядовых сотрудников становились основанием для административного запрета на их работу в библиотеках. Последние могли быть в любой момент закрыты в административном порядке. Под жесткий контроль властей попали книжные фонды публичных библиотек. Их комплектование регламентировалось специальными правовыми актами, призванными не допустить в библиотеки книги и периодические издания, не пригодные, по мнению правительства, для массового книжного чтения.

Список литературы

1. Коробкина Т. Е. Карамзинская библиотека как прообраз будущего. Что мешает созданию публичной библиотеки нового поколения // Библиотечное дело. 2009. № 22. С. 14–19.
2. Абрамов К. И., Васильченко В. Е. История библиотечного дела в СССР (до 1917 года). Москва : Совет. Россия, 1959. 199 с.
3. Ванеев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX в.). Москва : Пашков дом, 2003. 304 с.
4. Матвеев М. Ю. Российские библиотеки во второй половине XIX – начале XX века. Санкт-Петербург : Рос. нац. б-ка, 2014. 552 с.
5. Курмаев М. В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – начало XX вв.). Самара : СНЦ РАН, 2008. 550 с.
6. Шабаршина О. В. Книжная культура населения Урала во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2010. 221 с.
7. Артемьева Е. Б. Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII–XX вв.). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. 424 с.

Наложенные на работу публичных библиотек ограничения стали объектом жесткой критики со стороны участников культурно-просветительного движения. Борясь с ведомственным нормотворчеством, общественность требовала принятия единого для всех типов библиотек законодательного акта, призванного определить порядок открытия и функционирования как государственных, так и негосударственных библиотечных учреждений. Непременным условием успешного развития библиотечного дела в России общественные деятели также считали снятие ограничений на комплектование книжных фондов библиотек.

Таким образом, во второй половине XIX в. правительственная политика в отношении публичных библиотек в России имела глубоко противоречивый характер. Усиливавшееся недовольство существующим режимом отражалось на содержании работы библиотек (они становились очагами антиправительственной пропаганды), создавало условия для попадания в их книжные фонды оппозиционной и даже революционной литературы. В ответ власти усиливали репрессивно-охранительный компонент библиотечной политики. Этот порочный круг отрицательно сказывался на развитии библиотечного дела в России, подпитывал протестные настроения, став одним из факторов революционного кризиса в начале XX в.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, имеющих отношение к этой статье.

8. Пашин А. И. Из истории библиотечного законодательства России // Библиотековедение. 2003. № 6. С. 94–100.
9. Чувильская О. А. Законодательство о библиотечном деле : эволюция и современное состояние // Научные и технические библиотеки. 2009. № 9. С. 17–27.
10. Фомина А. А. Становление государственной политики в области библиотечного дела // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5. С. 84–87.
11. Землянский И. А. Государственная политика в библиотечном деле во второй половине XIX – начале XX вв. // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 5, ч. 6. С. 17–20.
12. Орлов В. В. К истории развития библиотечного законодательства в России: попытка обобщения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Т. 220. С. 320–325.
13. Биюшкина Н. И. Дискриминационные охранительные отношения в Российском государстве в период правления Александра III (с марта 1881 г. по 1894 г.). Москва : Nota Bene, 2011. 305 с.
14. Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. Санкт-Петербург : Сев. звезда, 2013. 620 с.
15. Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. В 2 т. Т. 1. Цензура

в дореволюционной России. Вып. 3. 1855–1917 гг. Москва : Пробел–2000, 2017. 305 с.

16. Строева А. А. Практика цензурного контроля над библиотечными фондами во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам губерний Черноземного центра) // Библиосфера. 2013. № 1. С. 31–38.

17. Землянский И. А. Роль администрации Приамурского края в организации и контроле деятельности библиотек // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 6, ч. 3. С. 138–143.

18. Мнение адмирала Н. С. Мордвинова об учреждении публичных библиотек в России // Сборник Русского исторического общества. Санкт-Петербург, 1868. Т. 2. С. 413–418.

19. Циркулярное предписание министра внутренних дел гражданским губернаторам от 5 июля 1830 года, о заведении в губерниях публичных библиотек для чтения // Журнал Министерства внутренних дел. 1831. Ч. 4, кн. 1. С. 27–29.

20. Извлечение из Всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1850 год. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1851. 159 с.

21. Хавкина Л. Б. Библиотеки, их организация и техника. Санкт-Петербург : А. С. Суворин, 1904. 376 с.

22. Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1840 г. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1841. 149 с.

23. Попов Д. И. Государственная регламентация деятельности публичных библиотек в России в первой половине XIX в. // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 13–18. DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-4-13-18>.

24. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. Москва : Книга, 1980. 352 с.

25. Указатель библиотек в России / сост. Г. Геннади. Санкт-Петербург : Тип. Рогальского и К°, 1864. 36 с.

26. Ф. Ч. Внешкольное образование народа: народные библиотеки и музеи, народные чтения, деятельность обществ по народному образованию в России и других странах // Северный вестник. 1894. № 8. С. 239–259.

27. Каменецкий С. Л. Статья 175-я Устава о цензуре и печати // Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в С.Петербурге с 1 по 7 июня 1911 г. Санкт-Петербург, 1912. Ч. 2. С. 330–336.

28. О передаче Цензурных комитетов и отдельных цензоров из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел : [Именной указ, данный Сенату, 1863, 14 янв.] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Санкт-Петербург, 1866. Т. 38: Отд-ние первое. 1863. № 39117–40024. С. 61–62. [Док.] 39162.

29. Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. Санкт-Петербург : Типо-лит. «Герольд», 1904. 512 с.

30. О пересмотре правил о воскресных школах и о временном закрытии всех существующих школ этого рода : Высочайшее повеление 10-го июня 1862 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. Ч. 114. С. 243–244.

31. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А. И. Пискунов. Москва : Педагогика, 1976. 599 с.

32. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях : [Мнение Государственного Совета, высочайше утвержденное, 1865, 6 апр.] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Санкт-Петербург, 1867. Т. 40: Отд-ние первое. 1865. № 41642–42509. С. 397–406. [Док.] 41990.

33. О передаче городских и общественных библиотек из ведомства Министерства народного просвещения в ведение Министерства внутренних дел : [Именной, объявленный Сенату министром народного просвещения, 1867, 12 июля] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Санкт-Петербург, 1871. Т. 42: Отд-ние первое. 1867. № 44078–44894. С. 1154–1155. [Док.] 44841.

34. Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. Санкт-Петербург : О. Н. Попова, 1898. 785 с.

35. О временных мерах по отношению к открытию и содержанию публичных библиотек и кабинетов для чтения : [Высочайшее повеление, объявленное министром внутренних дел, 1884, 5 янв.] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Санкт-Петербург, 1887. Т. 4: 1884. № 1934–2642. С. 3. [Док.] 1941.

36. Настольная книга по внешкольному образованию. Полный систематический сборник законов, циркуляров, разъяснений Сената и справочных сведений / сост. В. И. Чарнолуцкий. Т. 1. Санкт-Петербург : Тип. Б. М. Вольфа, 1913. 501.

37. Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825–1904 : арх.-библиогр. разыскания. Москва : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962. 254 с.

38. Алфавитный список произведений печати, которые на основании высочайшего повеления, 5-го января 1884 г., не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутренних дел, 1884. 12 с.

39. Алфавитный список произведениям печати, которые, на основании пункта 3-го примечания к ст. 175 Устава о цензуре и печати, воспрещены министром внутренних дел к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях : сост. в Гл. упр. по делам внутренних дел, 1894. 16 с.

40. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1884. Т. 5, кн. 9. С. 363–380.

41. Иванова Г. А. Образование библиотекарей как специалистов по работе с детьми. Москва : МГУКИ, 2002. 260 с.

References

1. Korobkina TE (2009) The Karamzin Library as a prototype of the future. What prevents the creation of a new generation public library? *Bibliotechnoe delo* 22: 14–19. (In Russ.).

2. Abramov KI and Vasil'chenko VE (1959) The history of librarianship in the USSR (until 1917). Moscow: Sovet. Rossiya. (In Russ.).

3. Vaneev AN (2003) The development of library science thought in Russia (XI – early XX centuries). Moscow: Pashkov dom. (In Russ.).

4. Matveev MYu (2014) Russian libraries in the second half of the 19th – early 20th centuries. Saint Petersburg: Ros. nats. b-ka. (In Russ.).
5. Kurmaev MV (2008) Book culture of the Middle Volga region (late XVIII – early XX centuries). Samara: SNTs RAN. (In Russ.).
6. Shabarshina OV (2010) Book culture of the population of the Urals in the second half of the 19th – early 20th centuries: Cand. hist. sci. diss. Nizhny Tagil. (In Russ.).
7. Artemyeva EB (2012) The evolution of the library network of Siberia and the Far East in the context of cultural, historical and social transformations (XVII–XX centuries). Novosibirsk: GPNTB SO RAN. (In Russ.).
8. Pashin AI (2003) From the history of library legislation of Russia. *Bibliotekovedenie* 6: 94–100. (In Russ.).
9. Chuvil'skaya OA (2009) Legislation on librarianship: evolution and current state. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 9: 17–27. (In Russ.).
10. Fomina AA (2014) Formation of the state policy in the field of librarianship. *Mir nauki, kultury i obrazovaniya* 5: 84–87. (In Russ.).
11. Zemlyansky IA (2015) State policy in librarianship in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh* 5-6: 17–20. (In Russ.).
12. Orlov VV (2020) On the history of the development of library legislation in Russia: an attempt at generalization. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 220: 320–325. (In Russ.).
13. Biyushkina NI (2011) Discriminatory and protective relations in the Russian state during the reign of Alexander III (from March 1881 to 1894). Moscow: Nota Bene. (In Russ.).
14. Patrusheva NG (2013) The censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Saint Petersburg: Sev. zvezda. (In Russ.).
15. Reifman PS (2017) Censorship in pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet Russia. In 2 vols. Vol. 1. Censorship in pre-revolutionary Russia. Pt. 3. 1855–1917. Moscow: Probel–2000. (In Russ.).
16. Stroeve AA (2013) The practice of censorship control over library collections in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the materials of the provinces of the Central Chernozem region). *Bibliosfera* 1: 31–38. (In Russ.).
17. Zemlyansky IA (2015) The role of the administration of the Amur Region in the organization and control of library activities. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh* 6-3: 138–143. (In Russ.).
18. (1868) The opinion of Admiral N. S. Mordvinov on the establishment of public libraries in Russia. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Saint Petersburg, vol. 2, pp. 413–418. (In Russ.).
19. (1831) Circular order of the Minister of the Internal Affairs to civil governors dated July 5, 1830, on the establishment of public libraries for reading in the provinces. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* 4 (1): 27–29. (In Russ.).
20. (1851) Extract from the most comprehensive report of the Minister of Public Education for 1850. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk. (In Russ.).
21. Khavkina LB (1904) Libraries, their organization and technology. Saint Petersburg: A. S. Suvorin. (In Russ.).
22. (1841) The general report submitted to His Imperial Majesty by the Ministry of Public Education for 1840. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk. (In Russ.).
23. Popov DI (2023) State regulation of the activities of public libraries in Russia in the first half of the 19th century. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* 8 (4): 13–18. DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-4-13-18>. (In Russ.).
24. Abramov KI (1980) The history of librarianship in the USSR. Moscow: Kniga. (In Russ.).
25. Gennadi G (comp.) (1864) Index of libraries in Russia. Saint Petersburg: Tip. Rogal'skogo i K^o. (In Russ.).
26. FCh (1894) Extracurricular education of the people: public libraries and museums, public readings, activities of public education societies in Russia and other countries. *Severnyi vestnik* 8: 239–259. (In Russ.).
27. Kamenetsky SL (1912) Article 175 of the Statute on Censorship and the Press. *Trudy Pervogo Vserossiiskogo s'ezda po bibliotechnomu delu, sostoyavshegosa v S.-Peterburge s 1 po 7 iyunya 1911 g.* Saint Petersburg, pt. 2, pp. 330–336. (In Russ.).
28. (1866) On the transfer of Censorship Committees and individual censors from the Ministry of Public Education to the Ministry of Internal Affairs: [Nominal decree given to the Senate, 1863, Jan. 14]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. vtoroe*. Saint Petersburg, vol. 38: Otd-nie pervoe. 1863. No. 39117–40024, pp. 61–62. (In Russ.).
29. Lemke MK (1904) The era of censorship reforms of 1859–1865. Saint Petersburg: Tipol-lit. «Gerol'd». (In Russ.).
30. (1862) On the revision of the rules on Sunday schools and on the temporary closure of all existing schools of this kind: His Majesty's order of June 10, 1862. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* 114: 243–244. (In Russ.).
31. Piskunov AI (ed.) (1976) Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR. The second half of the 19th century. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
32. (1867) On some changes and additions to the current censorship regulations: [Opinion of the State Council, most highly approved, 1865, Apr 6.]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. vtoroe*. Saint Petersburg, vol. 40: Otd-nie pervoe. 1865. No. 41642–42509, pp. 397–406. (In Russ.).
33. (1871) On the transfer of city and public libraries from the Ministry of Public Education to the Ministry of Internal Affairs: [Nominal, announced to the Senate by the Minister of Public Education, 1867, July 12]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. vtoroe*. Saint Petersburg, vol. 42: Otd-nie pervoe. 1867. No. 44078–44894, pp. 1154–1155. (In Russ.).
34. Prugavin AS (1898) Laws and reference information on primary public education. Saint Petersburg: O. N. Popova. (In Russ.).
35. (1887) On temporary measures in relation to the opening and maintenance of public libraries and reading rooms: [Highest order announced by the Minister of Internal Affairs, 1884, Jan. 5]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. tret'e*. Saint Petersburg, vol. 4: 1884. No. 1934–2642, p. 3. (In Russ.).
36. Charnolusky VI (comp.) (1913) A handbook on extracurricular education. A complete systematic collection of laws, circulars, clarifications of the Senate and reference information. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. B. M. Vol'fa. (In Russ.).
37. Dobrovolsky LM (1962) The forbidden book in Russia, 1825–1904: arch. and bibliogr. research. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. kn. palaty. (In Russ.).

38. (1884) Alphabetical list of printed works, which, by virtue of the highest order of January 5, 1884, should not be allowed for circulation in public libraries and public reading rooms. Saint Petersburg: Tip. M-va vnutrennikh del. (In Russ.).

39. (1894) Alphabetical list of printed works, which, by virtue of paragraph 3 of the note to art. 175 of the Statute on Censorship and the Press, are prohibited by the Minister of the Internal Affairs for circulation in public libraries

and public reading rooms: comp. at the Gen. Directorate of Press Affairs, until Jan. 1, 1894. Saint Petersburg: Tip. M-va vnutrennikh del. (In Russ.).

40. (1884) Internal review. *Vestnik Evropy* 5 (9): 363-380. (In Russ.).

41. Ivanova GA (2002) Education of librarians as specialists in working with children. Moscow: MGUKI. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 26.01.2024

Получена после доработки / Revised 30.04.2024

Принята для публикации / Accepted 18.06.2024